

Правовые основы распоряжения имуществом на случай смерти

Р. В. Беляев

Судья Московского областного суда.

Адрес: 143402, Московская область, Красногорский район, п/о «Красногорск-2», МКАД 65–66 км.

E-mail: brv201167@rambler.ru

Legal Basis for Disposing of Property in the Event of Death

R. V. Belyaev

Judge of the Moscow Regional Court.

Address: 143402, Moscow region, Krasnogorsk district, p/o «Krasnogorsk-2», MKAD 65–66 km.

E-mail: brv201167@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовых основ распоряжения имуществом на случай смерти, в первую очередь завещания, а также новелл наследственного права – совместного завещания супругов и наследственного договора. Автором исследованы понятие и правовая природа завещания, рассмотрены вопросы, касающиеся различных аспектов составления, содержания, отмены совместных завещаний супругов; понятие наследственного договора и особенности, которые отражают его отличие от классических гражданско-правовых договоров. Уделено внимание решению вопросов о характере наследственного правопреемства при заключении наследственного договора, о необходимости наследникам по наследственному договору принятия наследства одним из предусмотренных в законе способом. Проведенное исследование основано на современных методах научного познания, в числе которых следует назвать метод сравнительного анализа, методы системного и логического анализа, метод диалектического анализа и т. д. Используемые методы позволили сформулировать ряд выводов. Завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая имеет строго личный характер. Специфика завещания как сделки всегда заключается в отложенном правовом эффекте – оно вступает в действие в момент открытия наследства и только тогда создает права и обязанности для наследников. К завещанию в силу его специфики не применяются многие общие положения о сделках. Совместное завещание супругов является разновидностью традиционного завещания, при этом его можно характеризовать как одностороннюю сделку со множественностью лиц на стороне завещателя. Такое завещание предполагает общее волеизъявление, что предопределяет некоторую специфику его составления, содержания, исполнения, отмены, а также ограничение принципа свободы завещания. В частности, предложено предусмотреть правила, в соответствии с которыми совместное завещание может быть отменено только при жизни обоих супругов и только по обоюдному их волеизъявлению; принцип свободы завещания также должен быть ограничен после смерти первого супруга посредством установления запрета распоряжения охваченным в совместном завещании наследственным имуществом.

Ключевые слова: понятие и правовая природа завещания, совместное завещание супругов, наследственный договор.

Abstract

The article is devoted to the study of the legal basis for the disposal of property in the event of death, first of all, a will, as well as the novelties of inheritance law – a joint will of spouses and an inheritance contract. The author studies the concept and legal nature of a will, considers issues related to various aspects of making, maintaining, and canceling joint wills of spouses, the concept and features of an inheritance contract that reflect its difference from classic civil law contracts, and pays attention to resolving issues about the nature of inheritance succession when concluding an inheritance contract, and the need for heirs to accept an inheritance in one of the ways provided for in the law. The research is based on modern methods of scientific knowledge, including the method of comparative analysis, methods of system and logical analysis, the method of dialectical analysis, etc. The methods used made it possible to formulate a number of conclusions. A will is a one-sided transaction that is strictly personal. The specifics of a will as a transaction always lie in the deferred legal effect – it comes into effect at the moment of opening the inheritance and only then creates rights and obligations for the heirs. Many General provisions on transactions do not apply to a will because of its specificity. The joint will of the spouses

is a type of traditional will, and it can be characterized as a one-sided transaction «with a plurality of persons» on the side of the testator. Such a will implies a General expression of will, which determines some specifics of its composition, content, execution, cancellation, as well as restrictions on the principle of freedom of will: in particular, it is proposed to provide rules according to which a joint will can be canceled only during the life of both spouses and only on their mutual will; the principle of freedom of will should also be restricted after the death of the first spouse by prohibiting the disposal of inherited property covered in a joint will.

Keywords: concept and legal nature of a will, joint will of spouses, inheritance agreement.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) в редакции Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ² распорядиться имуществом на случай смерти возможно посредством совершения завещания или заключения наследственного договора. Однако стоит отметить, что еще до недавнего времени единственной правовой формой определения юридической судьбы имущества на случай смерти являлось завещание.

Несмотря на то что завещание является наиболее традиционным и общим для всех правовых систем современности способом распоряжения имуществом на случай смерти, в российском праве отсутствует легальное его определение. В связи с этим в правовой доктрине встречаются различные подходы к толкованию данного термина. Чаще всего завещанием называют сам документ, в котором зафиксирована в соответствии с требованиями законодательства последняя воля завещателя, либо под завещанием подразумевают акт выражения воли лица по распоряжению имуществом на случай его смерти, или же рассматривают завещание в качестве односторонней сделки.

Последнее утверждение основано на нормах действующего законодательства. Согласно пункту 5 статьи 1118 ГК РФ завещание представляет собой одностороннюю сделку. Данный постулат не подвергается сомнению ни в научной доктрине, ни

в судебной практике³. Тем не менее в юридической литературе можно встретить опровергающие позиции, согласно которым завещание не рассматривается в качестве односторонней сделки и более того – в качестве сделки в принципе. Так, например, попытки обосновать двусторонний характер завещания как сделки в доктрине предпринимались С. Н. Рождественским, который рассматривал завещание в качестве оферты, а принятие завещания наследниками – как акцепт [15]. Данную позицию затем отстаивал А. А. Кирилловых, доказывающий, что с формальной точки зрения завещание представляет собой сделку, однако «содержательный элемент завещательных отношений указывает на завещание как на оферту в двусторонней сделке», т. е. завещание есть не что иное как «адресованное одному или нескольким лицам предложение» принять наследство, что не позволяет квалифицировать завещание в качестве односторонней сделки [6].

А. Г. Сараев в своих рассуждениях о правовой природе завещания пришел к еще более неожиданному выводу о том, что завещание в принципе не может рассматриваться как сделка. В качестве аргумента он ссылается на статью 155 ГК РФ, на основании которой автор прослеживает неразрывную связь между самим совершением сделки (действиями) и юридическими последствиями этих действий. Иначе говоря, одно без другого немислимо, следовательно, сделка всегда

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

² Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть

третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 30. – Ст. 4552.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 11-КГ19-1 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2018 г. № 87-КГ17-14 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 18-КГ17-2 // СПС «КонсультантПлюс» и т. д.;

должна повлечь определенные юридические последствия для ее сторон [18. – С. 24–28]. В момент совершения действий завещателем для него никаких прав не возникает, не изменяется и не прекращается. Совершенное завещание не порождает также юридических последствий и в отношении других лиц, поскольку сам по себе факт совершения завещания наследодателем еще не влечет для них возникновения, изменения либо прекращения прав на завещанное имущество.

На это обращает внимание С. П. Гришаев, говоря о том, что завещание направлено на достижение определенных правовых последствий, которые заключаются в переходе имущественных и некоторых неимущественных прав от умершего гражданина к другим лицам. Однако при этом необходимо наличие дополнительных юридических фактов, таких как открытие наследства и принятие наследником наследства¹. Со своей стороны А. Г. Сараев приходит к следующему выводу: «... односторонняя сделка есть сделка, которая совершается одним лицом (только его действиями) и в тот же самый момент реализуется, т. е. влечет последствия для него или другого лица. Значит, положения об односторонних сделках никак не могут быть применены к завещанию, так как односторонность завещания выражается в том, что содержит оно распоряжения только лишь одного лица» [18. – С. 24–28]. В числе иных критериев, по которым завещание не может быть отнесено к сделкам, автор называет отсутствие правоотношений как до смерти завещателя, так и после нее; непостоянство юридического эффекта завещания либо его полное отсутствие (не всегда наступают те юридические последствия, ради которых завещание учинялось); к завещанию нельзя применить ряд общих положений о недействительности сделок; практически абсолютная свобода формулирования пожеланий лица, совершившего завещание, в определении судьбы своего распоряжения и его содержания; предмет завещания настолько широк, что инкорпорирует в себя сами сделки, участником которых был завещатель [18].

Данные доводы вполне обоснованы. Действительно, завещание в момент его совершения не порождает для указанных в нем наследников никаких прав, равно как не влечет для завещателя никаких обязанностей. Завещатель может в любой момент изменить завещание или отменить

его, для чего не нужно получать согласия иных лиц, завещатель также не лишен возможности распорядиться при жизни завещанным имуществом, заключив договор купли-продажи, дарения и т. д. Вместе с тем завещание воплощает в себе волеизъявление гражданина, которое само по себе подлежит правовой охране.

Все это позволяет утверждать, что одним из отличительных признаков завещания является его отложенный правовой эффект. На наш взгляд, данная характеристика завещания не препятствует его квалификации в качестве сделки. Согласно статье 153 ГК РФ, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из легального определения понятия сделки можно сделать вывод о том, что одним из отличительных признаков данного юридического факта выступает направленность воли лица на достижение юридических последствий. При этом достижение результата, на который направлено это действие, правового значения не имеет. Цель совершения сделки может быть вообще не достигнута, что не имеет значения для признания волеизъявления сделкой. В качестве аналогичного примера можно привести выдачу доверенности, которая является односторонней сделкой, что в научной доктрине не ставится под сомнение. Лицо, которому выдана доверенность, может так и не воспользоваться ею, от чего доверенность не перестает быть сделкой.

Завещание представляет собой такой же волевой акт с определенной направленностью на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. Составляя распоряжение на случай своей смерти, завещатель определяет порядок перехода принадлежащего ему имущества к определяемым им лицам, решает предоставить кому-либо имущественные выгоды либо лишить каких-то законных наследников права наследования и т. д., т. е. при составлении завещания лицо рассчитывает на наступление определенных юридических последствий.

Признание завещания односторонней сделкой означает, что к нему применяются положения главы 9 ГК РФ о сделках. Считаем необходимым рассмотреть возможность применения положений данной главы в отношении завещания.

Односторонний характер завещания не вызывает сомнений, что нельзя сказать о многих

¹ Гришаев С. П. Наследственное право : учебно-практическое пособие. – М. : Проспект, 2011.

иных нормах соответствующей главы ГК РФ. В частности, в юридической литературе давно идет спор о возможности составления условных завещаний, суть которых заключается в возможности получения наследства только при выполнении определенных условий: условным завещательный акт можно считать только тогда, когда в его содержание включены отлагательные или отменительные условия [17. – С. 22–27]. Следует сразу сказать, что речь идет об условиях, которые не влекут ограничение гарантированных Конституцией Российской Федерации¹ прав и свобод граждан.

Многие отечественные ученые признают возможность составления условных завещаний, но с определенными ограничениями. В первую очередь, такие условия не должны ограничивать основные права и свободы гражданина [1. – С. 61; 13. – С. 113; 4]. Основная аргументация в этом случае состоит в том, что действующее российское законодательство, хотя и не содержит специальных норм о допустимости условных завещаний, к таким завещаниям могут применяться общие положения о сделках, совершенных под условием (статья 157 ГК РФ) [5. – С. 25; 7. – С. 35].

Стоит отметить, что в процессе обсуждения проекта части третьей ГК РФ предполагалось узаконить возможность составления условных завещаний. Однако, по словам профессора А. Л. Маковского, вероятность предусмотреть в ГК РФ право завещать имущество под условием, что наследник совершит определенные действия (получит образование, займется определенным родом деятельности, продолжит начатое наследодателем дело, откажется от вредной привычки и т. п.), было сознательно отвергнуто, поскольку эти условия могут неоправданно ограничивать права и свободы человека, являющегося наследником, даже несмотря на то, что такие завещания известны праву ряда стран [8. – С. 38].

Считаем целесообразным поддержать законодателя в принятом решении, однако отсутствие легального запрета (или же разрешения) составления условных завещаний порождает теоретическую и практическую неопределенность. Если ис-

ходить из известного постулата «что прямо законом не запрещено, то разрешено», возникает вопрос о допустимых условиях.

В свое время В. И. Серебровским была предложена дифференциация условий завещания на допустимые и недопустимые. По его мнению, вполне допустимо обусловить получение наследства поступлением наследника в институт, но незаконно требовать от него выбора определенной профессии [19. – С. 114].

А. А. Новиков предложил градацию условных завещаний на «законные» (например, прекращение ведения наследником паразитического образа жизни, прекращение злоупотребления алкоголем и др.) и «незаконные, влекущие ограничение гарантированных Конституцией прав и свобод (например, условия о выборе профессии и места жительства, а также условия, ограничивающие права наследника по распоряжению наследственным имуществом и т. д.)» [12. – С. 349–350].

В свою очередь, как отмечает И. А. Михайлова, поскольку принятие наследства является не обязанностью, а правом, наследник делает осознанный выбор: если он не считает для себя условие наследодателя приемлемым, он может отказаться от принятия наследства. В этом случае наследник при решении вопроса, что является более важным и значимым (безвозмездное приобретение наследственного имущества или исключение вмешательства в свою частную жизнь), действует «своей волей и в своем интересе» (п. 2 ст. 1 ГК РФ) [11. – С. 37–45].

На наш взгляд, практически любое условие (о выборе определенной профессии, о получении высшего образования, о вступлении в брак, об исполнении религиозных обрядов и т. д.), от которого зависит возможность принятия наследства, будет навязывать наследнику определенное поведение, что, несомненно, может ограничить его права и свободы.

Как справедливо отмечает Г. К. Рябцева, «... завещание как гражданско-правовой институт имеет целью передачу наследства определенным лицам, а не ограничение прав и свобод или любое другое воздействие на поведение и поступки данных лиц» [16. – С. 17–20].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г.

№ 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Кроме того, условные завещания могут породить ряд правоприменительных проблем, на которые указывал еще В. И. Серебровский: «основное практическое затруднение при завещаниях с отлагательным условием заключается в той правовой неопределенности, которая продолжается в течение известного времени – до выяснения вопроса о выполнении выставленного завещателем условия» [19. – С. 132].

По мнению Е. П. Путинцевой, допущение возможности составления завещаний с отлагательным условием приведет к следующим проблемам: на протяжении длительного периода времени наследник может быть неизвестен, поскольку не ясно, наступит условие или нет; наследственное имущество будет находиться какое-то время без собственника, и кто в данной ситуации должен нести расходы на его содержание, как следствие, – неопределенность в гражданском обороте [14].

Учитывая изложенное, следует поддержать позицию А. Л. Маковского, согласно которой завещательные распоряжения под условием следует признать недопустимыми как противоречащие закону, независимо от того, что сами по себе условия не нарушают требований нравственности, свободы выбора рода деятельности, профессии, места проживания, свободы вступления в брак с определенным лицом и др. Наследники, которым завещано имущество под условием, оказываются ограниченными в имущественных правах собственности и др., приобретаемых в силу наследования. Тем самым нарушаются конституционные права наследования и частной собственности, предусмотренные статьей 35 Конституции Российской Федерации [8. – С. 37-38.]. Соответственно, в целях решения данной доктринальной проблемы следует установить законодательный запрет на совершение завещаний под условием.

Не в полной мере применимы к завещанию и положения главы 9 ГК РФ в части требований, предъявляемых к форме его составления. Следует сразу отметить, что в силу специфики завещания как сделки к нему не могут быть применимы ни при каких условиях положения статьи 165 ГК РФ, устанавливающие последствия уклонения от нотариального удостоверения сделки.

В соответствии с пунктом 1 статьи 158 ГК РФ сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной). Статья 163 ГК

РФ также определяет правила нотариального удостоверения сделок. В этой связи следует отметить, что общие положения о форме сделок не учитывают специфики положений части третьей ГК РФ, согласно которым допускается удостоверение сделки иными лицами (ст. 1124 ГК РФ).

Кроме того, согласно пункту 3 статьи 163 ГК РФ, если нотариальное удостоверение сделки является обязательным, несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность. При этом специальные наследственные нормы устанавливают иные последствия несоблюдения установленной законом формы завещания: несоблюдение установленных правил о письменной форме завещания и его удостоверения влечет за собой недействительность завещания (абзац 2 п. 1 ст. 1124 ГК РФ). Принимая во внимание установленный приоритет специальной нормы, мы можем сделать вывод о том, что недействительность завещания в данном случае должна быть установлена судом.

Нормы наследственного права детализируют процедуру составления, подписания и удостоверения завещания. Нарушение данных норм во многих случаях ведет к признанию завещания недействительным (например, недействительным может быть признано завещание в случае отсутствия свидетеля, когда при составлении, подписании, удостоверении завещания или при передаче его нотариусу присутствие свидетеля является обязательным или в случае несоответствия свидетеля установленным в законе требованиям).

Вызывает сомнение применение в отношении завещания общих положений о последствиях признания сделки недействительной. В первую очередь, речь идет о реституции, которая предполагает возврат сторон сделки в первоначальное положение. Очевидно, что при признании завещания недействительным, оно просто-напросто отпадает и никакого возврата к исходному положению дел (т. е. до момента открытия наследства) быть не может, поскольку оспорить действительность завещания возможно только после открытия наследства. В этой связи считаем уместным привести позицию А. М. Эрделевского, по мнению которого к завещанию, с точки зрения последствий его недействительности, применимы только правила о неосновательном обогащении, предусмотренные главой 60 ГК РФ¹, и, как нам пред-

¹ Гражданское право : учебник. – Ч. 1 / отв. ред. В. П. Мозолин. – М., 2007. – С. 285.

ставляется, только те положения, которые касаются истребования имущества собственником из чужого незаконного владения (п. 3 ст. 1103 ГК РФ), поскольку истребовать наследственное имущество возможно лишь у того наследника, который уже принял наследство.

По общему правилу сделки могут совершаться через представителя (ст. 182 ГК РФ), что не применимо к завещаниям. Согласно пункту 3 статьи 1118 ГК РФ, завещание должно быть совершено лично, его совершение через представителя не допускается.

На основании изложенного мы можем сделать следующие выводы о правовой природе завещания. Во-первых, завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая имеет строго личный характер. Во-вторых, специфика завещания как сделки всегда заключается в отложенном правовом эффекте: оно вступает в действие в момент открытия наследства и только тогда создает права и обязанности для наследников. До указанного момента не допускается ни оспаривание завещания, ни признание его недействительным. В-третьих, к завещанию в силу его специфики не применяются многие общие положения о сделках, при этом некоторые положения о сделках, которые не противоречат правовой природе завещания и в принципе могут быть использованы, детализированы в специальных нормах наследственного права с определенными отличиями.

Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ существенно расширил диспозитивные начала в регулировании составления завещательных распоряжений: одной из новых правовых конструкций, ранее неизвестных праву советского периода, стал институт совместного завещания супругов. Стоит отметить, что данный институт является принципиально новым только для России, мировой практике он известен очень давно.

В соответствии с действующим российским законодательством составить такое завещание могут только супруги, т. е. мужчина и женщина, брак которых зарегистрирован в государственном органе регистрации актов гражданского состояния. Фактическое проживание одной семьей мужчины и женщины без регистрации в установленном законом порядке регистрации брака не порождает возникновения у них прав и обязанностей супругов, и как следствие исключает возможность составления совместного завещания.

Примечательно, что совместные завещания супругов не могут быть закрытыми, их также невозможно совершить при чрезвычайных обстоятельствах. Несоблюдение этих требований влечет ничтожность совместного завещания (п. 5 ст. 1126, п. 4 ст. 1129 ГК РФ). Помимо этого, совместные завещания не могут быть удостоверены в порядке, приравненном к нотариальному удостоверению завещаний (ст. 1127 ГК РФ). Сложно сказать, чем руководствовался законодатель при установлении данных ограничений к составлению совместного завещания. Вероятно, этому способствовала специфика совместного завещания, в котором должна быть выражена общая воля двух лиц – супругов, в то время как, например, конструкция составления завещания при чрезвычайных условиях не может гарантировать выражения согласованной воли двух лиц. Может быть поэтому лица, наделенные правом удостоверения традиционного завещания, не могут удостоверить совместное завещание супругов. Несмотря на это, на нотариуса, в силу прямого указания пункта 5.1 статьи 1125 ГК РФ, возложена обязанность видеофиксации процедуры совершения совместного завещания супругов. Супругам предоставлено право отказаться от этой процедуры, однако сделать это должны оба супруга. Если только один из супругов будет отказываться от видеофиксации совершения совместного завещания, то нотариус не имеет права удостоверить такое завещание.

В научной доктрине еще на стадии обсуждения вносимых изменений были отмечены недостатки в отношении отсутствия урегулирования порядка удостоверения совместного завещания; нет понимания в решении вопросов составления совместного завещания одним документом или несколькими; необходимо ли одновременное присутствие обоих участников либо возможно последовательное выражение воли супругов в виде двух взаимосвязанных документов и другие вопросы, большинство из которых так и не были урегулированы при их принятии [9. – С. 28–30; 2. – С. 3–7; 3. – С. 135–142].

Согласно абзацу 2 пункта 4 статьи 1118 ГК РФ в совместном завещании супруги могут по обоюдному усмотрению определить следующие последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно: завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам; любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной

массе; определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц; лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения; включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения, возможность совершения которых предусмотрена законом.

Совместное завещание супругов, являясь разновидностью завещания, следует также квалифицировать в качестве односторонней сделки. Однако в российской доктрине уже возникают сомнения в признании совместного завещания односторонней сделкой. Так по мнению А. М. Эрделевского, оно никак не может быть односторонней сделкой, поскольку для его совершения требуется волеизъявление двух лиц – супругов. Ссылаясь также на используемое в пункте 4 статьи 1118 ГК РФ выражение «по обоюдному усмотрению», автор допускает его замену более свойственными гражданскому законодательству выражениями «по взаимному согласию» или «по соглашению». В итоге он приходит к выводу о том, что по своему существу совместное завещание представляет собой результат соглашения между супругами, предметом которого являются условия такого завещания [22].

Считаем, что обоюдное усмотрение супругов, требуемое для совершения совместного завещания в силу закона, не трансформирует его в соглашение. Подтверждением данному выводу является положение абзаца 1 пункта 4 статьи 1118 ГК РФ, в соответствии с которым к супругам, совершившим совместное завещание, применяются правила гражданского законодательства о завещателе, волеизъявление которого представлено двумя лицами. Совершение совместного завещания предполагает общее волеизъявление, т. е. супруги обоюдно связывают свою волю, которая выражается в виде совместного акта. Если хотя бы один из супругов не хочет обусловить действительность своего волеизъявления волей второго супруга, он вправе составить традиционное завещание. Таким образом, совершение этой сделки супругами не влияет на ее односторонний характер, и совместное завещание супругов можно охарактеризовать как одностороннюю сделку со множественностью лиц на стороне завещателя, при этом взаимообусловленный характер распоряже-

ний является одной из отличительных черт совместного завещания супругов как разновидности завещания, что предопределяет некоторую специфику его составления, содержания, исполнения и отмены.

Буквальное толкование соответствующих положений ГК РФ создает правовую неопределенность в решении вопроса о возможности составления так называемого взаимного совместного завещания, в соответствии с которым переживший супруг наследует за ранее умершим. В российской доктрине есть мнение о допустимости совершения взаимных завещаний [2. – С. 3–7; 20].

По нашему мнению, в совместном завещании супруги не могут назначить друг друга наследниками по следующим основаниям. Как уже было отмечено, совместное завещание является разновидностью завещания, по своей правовой природе представляет собой одностороннюю сделку, где волеизъявления одной стороны (завещателя) представлены двумя лицами – супругами. В результате совершения такого завещания супруги выражают согласованную волю по определению судьбы принадлежащего им имущества на случай их смерти.

Если гипотетически допустить возможность составления взаимных завещательных распоряжений в отношении каждого из супругов, каждый из них может одновременно выступать как завещателем, так и наследником по завещанию. Это означает, во-первых, расщепление воли супругов-завещателей, которые одновременно являются потенциальными наследниками, а во-вторых, трансформирует завещание в соглашение двух сторон. Однако на этот случай действующее российское законодательство вводит еще одну новеллу – наследственный договор.

Сделанный нами вывод вовсе не означает, что переживший супруг не становится собственником принадлежащего умершему супругу имущества. В совместном завещании супруги могут установить совместные распоряжения в отношении их общего имущества, а также личные распоряжения, которые касаются имущества каждого из них. Невозможность завещать пережившему супругу касается, на наш взгляд, только личного имущества каждого из супругов.

Иная ситуация складывается с распоряжением общего имущества супругов. Как нам представляется, с учетом одностороннего характера совместного завещания, квалифицируемого в качестве сделки, доля в общем имуществе супругов

переходит пережившему супругу не в порядке наследования. Смерть первого из супругов является юридическим фактом, автоматически порождающим изменение правового режима общего имущества, которым супруги распорядились при жизни. Указанный юридический факт является единственным достаточным основанием для трансформации общей совместной собственности обоих супругов в частную собственность пережившего супруга. И только после смерти последнего имущество, указанное в совместном завещании супругов, переходит к лицам, указанным в нем в качестве наследников.

Косвенным подтверждением нашего вывода являются положения абзаца 1 статьи 1150 ГК РФ, согласно которым доля умершего супруга в совместно нажитом имуществе входит в состав наследства и переходит к наследникам, и абзаца 2 данной же статьи, в соответствии с которым иное может быть предусмотрено совместным завещанием супругов.

Таким образом, доля в праве общей собственности исключается из состава наследственного имущества, что влечет за собой ряд правовых последствий.

Так, в целях получения доли в праве общей совместной собственности переживший наследник не должен принимать наследство, так как с момента смерти одного из супругов совместно нажитое имущество автоматически трансформируется в единоличную частную собственность. Кроме того, такой процесс перехода доли в праве совместной собственности исключает применение положений об обязательной доле в наследстве, а также не дает кредиторам права удовлетворить претензии за счет данного имущества.

Являются дискуссионными также нормы наследственного права о том, что переживший супруг вправе совершить последующее завещание или вовсе отменить совместное завещание после смерти второго супруга (абзац 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ).

Первое, на что при анализе данных положений следует обратить внимание, – это тот факт, что пережившему супругу не предоставлено право изменения завещания. В соответствии с пунктом 2 статьи 1130 ГК РФ завещатель вправе посредством совершения нового завещания отменить прежнее завещание в целом либо изменить его посредством отмены или изменения отдельных содержащихся в нем завещательных распоряжений. В отношении совместного завещания

переживший супруг наделен только правом его отмены или совершения нового завещания.

Как нам представляется, законодатель умышленно не наделил пережившего супруга правом изменения совместного завещания. Данные правила направлены в первую очередь на обеспечение гарантий реализации наследственной воли умершего супруга.

Вместе с тем возникает вопрос, может ли переживший супруг составить новое завещание или отменить совместное завещание. Предоставление пережившему супругу указанных прав является следствием права завещателя в любой момент составить новое завещание или отменить ранее составленное.

В соответствии с абзацем 2 пункта 2 статьи 1130 ГК РФ последующее завещание, не содержащее прямых указаний об отмене прежнего завещания или отдельных содержащихся в нем завещательных распоряжений, отменяет прежнее завещание полностью или в части, в которой оно противоречит последующему завещанию.

К сожалению, законодатель не предусмотрел последствия составления нового завещания в случае наличия совместного завещания супругов. Должны ли в этом случае применяться общие правила об отмене ранее составленного завещания?

На наш взгляд, применение положений пункта 2 статьи 1130 ГК РФ будет противоречить конструкции совместного завещания. Например, переживший супруг, злоупотребляя своим правом при составлении нового завещания, захочет иным образом по сравнению с совместным завещанием распорядиться наследственным имуществом с тем, чтобы его распоряжения совместного завещания оказались отменены, а распоряжения умершего супруга остались бы без изменений. Безусловно, такая практика снизила бы степень охраны интересов участников совместного завещания. При этом следует учитывать, что распоряжение одного супруга действительно лишь постольку, поскольку действительно распоряжение второго супруга.

В этой связи в целях восполнения законодательного пробела и повышения уровня охраны интересов участников совместного завещания супругов следует законодательно установить последствия совершения пережившим супругом нового завещания: во-первых, при совершении нового завещания переживший супруг должен поставить в известность нотариуса, удостоверившего данное завещание, о наличии совместного

завещания; во-вторых, распоряжения последующих завещаний каждого из супругов не могут противоречить распоряжениям совместного завещания супругов; в-третьих, в случае противоречия распоряжений совместного завещания супругов и нового завещания пережившего супруга, именно последнее должно быть признано недействительным полностью или в той части, в которой оно противоречит совместному завещанию супругов.

Что касается наделения пережившего супруга правом отмены совместного завещания, считаем необходимым указать следующее.

Как уже было отмечено, являясь разновидностью традиционного завещания, совместное завещание супругов представляет собой одностороннюю сделку со множественностью лиц на стороне завещателя. Расторжение сделки возможно по соглашению сторон, в случае односторонней сделки – по волеизъявлению одной стороны. В совместном завещании супруги выступают в качестве одной стороны – завещателя. Следовательно, совместное завещание также может быть отменено только по обоюдному волеизъявлению двух супругов, что возможно сделать только при жизни обоих супругов.

Таким образом, предоставление пережившему супругу возможности отмены совместного завещания противоречит самой конструкции совместного завещания. Вследствие чего предлагаем внести изменения в гражданское законодательство и исключить возможность отмены совместного завещания пережившим супругом. Поскольку это может привести к ущемлению наследственных прав пережившего супруга, целесообразно предоставить ему право восстановления завещательной способности посредством отказа от всего, что причиталось бы ему в соответствии с совместным завещанием. В данном случае будет реализован один из принципов наследственного права – принцип свободы завещания.

При анализе нововведений о совместных завещаниях следует ответить на вопрос о допустимости применения к ним правила о том, что завещатель вправе в любой момент продать, подарить и иным образом распорядиться принадлежащим ему имуществом. В настоящее время ничто не препятствует пережившему супругу произвести отчуждение имущества, охваченного совместным завещанием, что также не гарантирует исполнения наследственной воли умершего супруга.

На наш взгляд, решение данной проблемы видится в наложении после смерти первого супруга запрета распоряжаться охваченным в совместном завещании наследственным имуществом. Введение подобного правила будет способствовать сохранению такого имущества в целях его передачи наследникам после смерти второго супруга, что будет гарантировать достижение наследственного результата, на который была направлена воля обоих супругов при совершении совместного завещания.

Очевидно, что выявленные и иные вопросы, касающиеся различных аспектов составления, содержания, отмены совместных завещаний супругов, свидетельствуют о недостатке нормативного регулирования.

Проиллюстрированные примеры невозможного применения к совместным завещаниям ряда положений, которые относятся к традиционным завещаниям, обосновывают необходимость законодательного закрепления нормы, дифференцирующей применение общих норм о наследовании по завещанию к совместным завещаниям.

Наряду с совместным завещанием супругов еще одной новеллой наследственного права стала возможность заключения наследственного договора. Как и совместное завещание супругов, наследственный договор представляет собой принципиально новый правовой институт для российского права, но не для мировой практики.

Согласно абзацу 1 статьи 1111 ГК РФ, в редакции Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ существуют три основания наследования: наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. При этом неизменной осталась норма абзаца 2 статьи 1111 ГК РФ, устанавливающая, что наследование по закону имеет место, когда оно не изменено завещанием, а также в иных случаях, установленных ГК РФ. Отметим, что действующий ГК РФ не содержит прямого указания на приоритет наследственного договора над наследованием по закону, что представляется неправильным.

Законодательное определение наследственного договора раскрывается через установление его условий: в соответствии с пунктом 1 статьи 1140.1 ГК РФ наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к

пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию, и т. д.

Первое, на что следует обратить внимание, – используемая законодателем терминология. В частности, одна из сторон договора именуется «наследодатель», что не вполне корректно, поскольку наследодателем лицо, заключающее наследственный договор, станет только после своей смерти, учитывая договорную конструкцию данного основания наследования, направленную на распоряжение имуществом на случай смерти, а также принимая во внимание тот факт, что исполнение наследственного договора может осуществляться еще при жизни наследодателя.

Двойное толкование допускают также сформулированные в законе условия наследственного договора. В частности, согласно абзацу 1 статьи 1140.1 ГК РФ наследственный договор определяет, во-первых, круг наследников, а во-вторых, порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. При буквальном толковании данной нормы возникает вопрос, включаются ли в обозначенный в договоре круг наследников пережившие наследодателя стороны договора или третьи лица, которые могут призываться к наследованию. Если предположить, что перечисленные лица составляют круг наследников, тогда непонятно, почему в одной норме они именуется по-разному.

Вероятно, в данной ситуации законодатель все же исходил из того, что круг наследников может не совпадать с пережившими наследодателя сторонами договора или третьими лицами, которые могут призываться к наследованию. Данный вывод следует из законодательной дефиниции наследственного договора: он определяет «порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора *или* (выделено нами. – Р. В.) к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию». Из этого следует, что лицо, заключившее наследственный договор, обязательно является наследником. Это объясняет также тот факт, что законодатель никак не именуется вторую сторону наследственного договора, ограничившись лишь указанием на то, что это может быть любое лицо, которое призывается к наследованию в соответствии со статьей

1116 ГК РФ, в том числе и юридическое лицо. В этом заключается одна из особенностей наследственного договора, которая, на наш взгляд, представляется немного нелогичной, ввиду непонятной роли и оснований их участия в наследственном договоре.

Рассмотрим иные элементы юридической характеристики любого гражданско-правового договора применительно к конструкции наследственного договора. Характеризуя те или иные договорные конструкции, их традиционно относят к односторонне- или двухстороннеобязывающим, возмездным/безвозмездным, реальным/консенсуальным сделкам.

По мнению А. М. Эрделевского, наследственный договор является консенсуальным, поскольку закон не устанавливает необходимости передачи имущества для его заключения; по общему правилу он является безвозмездным (но может иметь признаки возмездного договора, если лицо, которое может быть призвано к наследованию, принимает на себя обязанность совершить действия имущественного характера в пользу наследодателя или иных лиц); не порождает обязанностей у его сторон (но может быть односторонне обязывающим в случае включения в этот договор условия о возложении на участвующих в нем лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанности совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера) [22].

В целом считаем возможным согласиться с данной А. М. Эрделевским характеристикой наследственного договора. Действительно, в силу действующего законодательства наследственный договор не может быть реальным, поскольку закон не связывает вступление его в силу с моментом передачи имущества. Более того, наследственный договор подлежит нотариальному удостоверению. При этом к нему не применимы положения статьи 165 ГК РФ в части последствий уклонения одной из сторон наследственного договора от его нотариального удостоверения.

По общему правилу наследственный договор не порождает у его сторон никаких обязательств, что не допускает возможности отнесения наследственного договора к числу обязательственных правоотношений. В силу норм действующего законодательства наследственный договор может быть односторонне обязывающим, если он содер-

жит предполагающие его исполнение участвующими в наследственном договоре лицами, которые могут призываться к наследованию, условия.

Безусловно, будущий наследодатель не обязуется передать имущество в собственность, поскольку переход права собственности на имущество осуществляется после его смерти, т. е. помимо его воли, что исключает совершение активных действий по передаче имущества. Вместе с тем мы можем допустить возможность квалификации наследственного договора как взаимобязывающего в случае включения в него, например, условий, предусматривающих исполнение наследственного договора в пользу будущего наследодателя при его жизни. Принятие исполнения по наследственному договору в данном случае следует рассматривать как его право или обязанность в зависимости от содержания условий договора. Включение таких условий не нарушает принцип свободы договора и не противоречит нормам действующего законодательства о наследственном договоре.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что наследственный договор не порождает для его сторон никаких обязательств либо является односторонне или двусторонне обязывающим в зависимости от его условий.

Сложнее решить вопрос о возмездности или безвозмездности наследственного договора. На первый взгляд, наследственный договор предполагается безвозмездным, однако его следует квалифицировать в качестве возмездного, при условии «возложения на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения» [22].

Следует отметить и ряд моментов, которые отличают наследственный договор от классического возмездного договора. Во-первых, имущественное удовлетворение лиц, призываемых к наследованию, осуществляется, как уже было отмечено, не лично наследодателем; он не совершает непосредственно передачу имущества, это происходит после его смерти в силу определенного ряда юридических фактов. Во-вторых, на возмездность договора влияет возложение обязанности совершить при жизни будущего наследода-

теля или после его смерти действия имущественного или неимущественного характера в его пользу или в пользу иных лиц.

Таким образом, еще одна особенность наследственного договора, которая отражает его отличие от классических гражданско-правовых договоров, заключается в отсутствии фиксированных в законе его основных юридических характеристик, что обусловлено содержанием наследственного договора, в том числе характером возможных действий, которые должно совершить лицо, призываемое к наследованию (или иное лицо), а также периодом их совершения (при жизни будущего наследодателя или после его смерти).

Как уже было отмечено, наследственный договор направлен на распоряжение имуществом на случай смерти. В силу прямого указания в законе (п. 12. ст. 1140.1 ГК РФ) заключение наследственного договора не лишает будущего наследодателя права совершения любых сделок в отношении принадлежащего ему имущества. Он может распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя. Более того, соглашение об ином ничтожно.

Считаем, что изложенное в столь категоричной форме положение существенно нарушает права потенциальных наследников. Мы исходим из правовой сущности наследственного договора, конструкция которого наделяет, как отмечено в доктрине, «граждан правовой возможностью заранее согласовать все наиболее важные аспекты наследственного правопреемства: во-первых, указать в договоре будущих наследников из числа лиц, которые могут призываться к наследованию, или неких третьих лиц; во-вторых, определить порядок перехода к назначенным наследникам прав на имущество наследодателя; в-третьих, возложить на участвующих в договоре субъектов обязанность совершить после смерти наследодателя какие-либо действия имущественного или неимущественного характера» [10. – С. 33–39]. Таким образом, договорная природа данного распоряжения имуществом на случай смерти позволяет при жизни наследодателя определить судьбу принадлежащего ему имущества с учетом мнения потенциальных наследников, на которых, скорее всего, как покажет практика, будут возложены определенные обязанности имущественного и неимущественного характера. При этом добросовестное

исполнение таких обязанностей в силу закона не гарантирует получение наследства после смерти наследодателя.

Представляется вполне возможной ситуация, что после заключения наследственного договора, условия которого предполагают совершение в пользу будущего наследодателя или иных лиц определенных действий, например, имущественного характера, он распорядится принадлежащим ему имуществом, не ставя в известность потенциального наследника, который соблюдает условия наследственного договора. В итоге потенциальному наследнику на момент смерти наследодателя нечего будет наследовать, в то время как он сам понес материальные расходы, взыскать которые не представляется возможным.

На наш взгляд, анализируемая норма не просто не защищает права потенциального наследника, нивелируя все договоренности, но и создает все условия для злоупотребления правами со стороны будущего наследодателя. В целях преодоления выявленной проблемы предлагаем оставить за будущим наследодателем право совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя только при отсутствии встречного представления по наследственному договору со стороны переживших наследодателя сторон договора или переживших третьих лиц, которые могут призываться к наследованию.

В случае включения в наследственный договор условий, возлагающих на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанности совершить какие-либо действие имущественного характера в пользу будущего наследодателя или иных лиц, следует ограничить права будущего наследодателя посредством наложения запрета на распоряжение соответствующим имуществом либо сохранить за ним это право с передачей наследственного имущества в залог потенциальному наследнику.

Следует обратить внимание на отсутствие специальных норм, определяющих приоритет наследственного договора или завещания, если одно имущество наследодателя явилось предметом и того, и другого. В решении данного вопроса законодатель ограничился только правилом,

согласно которому если одно имущество наследодателя явилось предметом нескольких наследственных договоров, заключенных с разными лицами, в случае принятия ими наследства подлежит применению тот наследственный договор, который был заключен ранее (абзац 2 п. 8 ст. 1140.1. ГК РФ). Вероятно, это не законодательный пробел, и определение приоритета косвенно вытекает из уже проанализированных нами положений абзаца 12 статьи 1140.1. ГК РФ, гарантирующих право будущего наследодателя распорядиться принадлежащим ему имуществом после заключения наследственного договора, в том числе посредством составления завещания. Исходя из данной нормы и общих положений об определении приоритета одного из нескольких завещаний (ст. 1130 ГК РФ) можно предположить, что завещание, составленное после заключения наследственного договора в отношении того же имущества, должно отменять наследственный договор в соответствующей части. Однако, как нам кажется, в решении столь важного вопроса нельзя руководствоваться умо-заключениями, вытекающими из анализа различных норм закона, что может привести в правоприменительной практике к различным выводам.

В связи с изложенным предлагаем на законодательном уровне закрепить нормы, определяющие последствия включения распоряжений в отношении одного и того же имущества в завещание и в наследственный договор. В решении данного вопроса считаем целесообразным закрепить принцип приоритета наследственного договора перед завещанием независимо от даты совершения того или другого.

В данном случае мы исходим из того, что при заключении наследственного договора потенциальные наследники ознакомлены с принятым будущим наследодателем решением относительно судьбы принадлежащего ему имущества на случай его смерти. Как уже было отмечено, скорее всего, подавляющая доля наследственных договоров на практике будет содержать встречные условия имущественного и/или неимущественного характера, в том числе со сроком исполнения при жизни будущего наследодателя. Для таких наследников станет не просто неприятным сюрпризом наличие составленного завещания с более поздней датой, так как они уже понесли материальные затраты, взыскать которые уже не с кого. Гипотетически можно, конечно, обратиться в суд с иском к наследникам по завещанию о взыскании убытков, которые возникли у них в связи с

исполнением наследственного договора к моменту смерти наследодателя. Однако очевидно, что такие дела обречены на провал, хотя бы в силу отсутствия специальных норм, прямо унавливающих такую возможность. При этом законодатель предусмотрел возможность будущего наследодателя в одностороннем порядке отказаться от наследственного договора путем уведомления всех сторон наследственного договора о таком отказе с последующим возмещением убытков (п. 10 ст. 1140.1. ГК РФ). Таким образом, если наследодатель хочет иным образом распорядиться своим имуществом, он может составить завещание, отказавшись от наследственного договора и возместив потенциальным наследникам убытки.

Весьма важным является также решение вопроса о характере наследственного правопреемства. Ответ на поставленный вопрос в законодательстве отсутствует. Тем не менее он имеет принципиальное значение для всего процесса наследования. Если предположить, что наследники по наследственному договору являются универсальными наследниками, соответственно, на них также будут распространяться нормы об ответственности по долгам наследодателя и т. д. Если исходить из конструкции сингулярного правопреемства, то такие наследники не отвечают по долгам наследодателя пропорционально части перешедшего к ним наследственного имущества.

Считаем, что в решении данного вопроса следует руководствоваться общими положениями о наследовании. В силу статьи 1111 ГК РФ наследственный договор является одним из оснований наследования. Законодательная дефиниция наследования определена в пункте 1 статьи 1110 ГК РФ, в котором она раскрывается через категорию универсального правопреемства. Таким образом, наследник, заключивший наследственный договор, является универсальным правопреемником и отвечает по долгам наследодателя.

Еще один вопрос, на который в законе нет прямого ответа, – вопрос о том, необходимо ли наследникам по наследственному договору принять наследство одним из предусмотренных в законе способов.

Примечательно, что в пункте 2 статьи 1152 ГК РФ при перечислении нескольких оснований наследования, по которым наследник может призываться к наследованию одновременно, указание на наследственный договор отсутствует. Однако содержащийся в нем перечень оснований

является открытым, что не исключает необходимости принятия наследства наследником по наследственному договору.

Данный вывод косвенно подтверждают положения пункта 2 статьи 1140.1. ГК РФ, согласно которому нотариус, ведущий наследственное дело в период исполнения им своих обязанностей по охране наследственного имущества и управлению таким имуществом до выдачи свидетельства о праве на наследство, вправе требовать исполнения установленных наследственным договором обязанностей. Еще один аргумент в пользу необходимости принятия наследства по наследственному договору заключается в возможности стороны наследственного договора отказаться от наследства (п. 3 ст. 1140.1. ГК РФ).

Вместе с тем сделанный нами вывод основан на совокупном анализе наследственных норм, что представляется неверным. Очевидно, что данный пробел требует устранения, в связи с чем считаем целесообразным дополнить перечень оснований наследования в абзаце 2 пункта 2 статьи 1152 ГК РФ указанием на наследственный договор.

Вызывает сомнения категоричность формулировки пункта 4 статьи 1140.1. ГК РФ. Согласно положениям указанной нормы возникающие из наследственного договора права и обязанности стороны наследственного договора неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Данный запрет объясним при жизни наследодателя. Однако насколько оправдан такой запрет после его смерти, если, например, наследник по наследственному договору умер, не успев принять наследство. Статья 1156 ГК РФ, определяющая правила перехода права на принятие наследства после внесения новелл о наследственном договоре, осталась в неизменном виде, в результате чего нормы о наследственной трансмиссии и в настоящее время применимы в силу прямого указания в законе только в отношении наследования по закону и наследования по завещанию.

Вместе с тем непонятно, либо законодатель намеренно установил столь жесткий запрет на неотчуждаемость и непередаваемость прав по наследственному договору, либо упустил необходимость внесения соответствующих изменений в статью 1156 ГК РФ.

Неоднозначное толкование на практике могут вызывать и положения пункта 9 статьи 1140.1. ГК РФ. В соответствии с названной нормой суд может принять решение об изменении или расторжении

наследственного договора в связи с существенным изменением обстоятельств, в том числе в связи с выявившейся возможностью призвания к наследованию лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. При этом, что понимается под существенным изменением обстоятельств, не разъяснено. Вероятно, в данной связи следует руководствоваться положениями статьи 451 ГК РФ, однако данная оценочная категория, как мы считаем, должна быть разъяснена уполномоченными судебными органами (Пленумом Верховного Суда Российской Федерации) применительно к нормам наследственного права с учетом специфики наследственного договора.

Кроме того, изложенная в подобной редакции норма, так же как и ряд иных, не защищает должным образом прав потенциальных наследников (или другой стороны наследственного договора). Считаем, что в случае изменения или расторжения наследственного договора в судебном порядке наследодатель обязан возместить другим сторонам наследственного договора убытки, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора (по аналогии с нормами об одностороннем отказе от наследственного договора). Если речь идет о расторжении или изменении наследственного договора по соглашению сторон, то принципиального значения в данном случае компенсация понесенных стороной убытков не имеет, поскольку это решение (о выплате убытков или об отказе от их уплаты) должно быть согласовано сторонами самостоятельно.

Пункт 10 статьи 1140.1. ГК РФ закрепляет право сторон совершить односторонний отказ от наследственного договора. Законодатель устанавливает порядок такого отказа и его последствия для наследодателя, при этом в отношении другой стороны наследственного договора он ограничился отсылочной формулировкой: «другие стороны наследственного договора вправе совершить односторонний отказ от наследственного договора *в порядке, предусмотренном законом* (выделено нами. – Р. Б.) или наследственным договором» (абз. 3 п. 10 ст. 1140.1. ГК РФ).

Иными словами, если наследственный договор не определяет порядок отказа от него другой стороной, следует руководствоваться законом. Однако наследственное право таких норм не содержит, следовательно, подлежат применению общие нормы гражданского законодательства об отказе от договора. Статья 310 ГК РФ содержит

общий запрет на односторонний отказ от исполнения обязательства, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами. Поскольку ГК РФ, а именно абзац 3 пункта 10 статьи 1140.1. ГК РФ является одним из таких исключений, мы можем предположить, что правила статьи 310 ГК РФ, подлежат применению в отношении одностороннего отказа от наследственного договора. Однако буквальное толкование положений рассматриваемой статьи свидетельствует о недопустимости ее использования, поскольку установленные в ней правила одностороннего отказа применяются к обязательствам, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности.

Статья 450.1 ГК РФ определяет общий порядок совершения одностороннего отказа от договора: отказ осуществляется посредством направления уполномоченной стороной уведомления другой стороне уведомления об отказе от договора. В случае одностороннего отказа от договора полностью, если такой отказ допускается, договор считается расторгнутым.

Отметим, что несколько иной порядок предусмотрен для отказа от договора будущим наследодателем. В соответствии с абзацем 1 пункта 10 статьи 1140.1. ГК РФ наследодатель вправе совершить в любое время односторонний отказ от наследственного договора путем уведомления всех сторон наследственного договора о таком отказе. В отличие от общих правил одностороннего отказа (ст. 450.1 ГК РФ) уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора подлежит нотариальному удостоверению. При этом нотариус, удостоверивший уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора, в течение трех рабочих дней должен направить копию этого уведомления другим сторонам наследственного договора. Принимая во внимание требование к форме совершения наследственного договора (он подлежит нотариальному удостоверению), данный порядок отказа от договора представляется обоснованным. Однако непонятно, почему законодатель решил установить иную форму отказа от наследственного договора другой стороной и почему возможно отказаться от сделки, требующей по закону нотариального удостоверения в простой уведомительной форме.

В этой связи считаем, что нужно установить единую процедуру отказа для обеих сторон наследственного договора: уведомление

другой стороны должно быть нотариально удостоверено, и его копия направлена нотариусом наследодателю.

Анализируя соответствующие нормы ГК РФ, О. С. Черепанова обратила внимание на еще одну проблему, которая может возникнуть на практике [21. – С. 41–44]. В частности, абзац 2 пункта 6 статьи 1140.1 ГК РФ устанавливает, что если право на обязательную долю в наследстве появилось после заключения наследственного договора, предусмотренные наследственным договором обязательства наследника по наследственному договору уменьшаются пропорционально уменьшению части наследства, причитающейся ему после удовлетворения права на обязательную долю в наследстве. О. С. Черепанова пришла к верному, на наш взгляд, выводу о том, что практическая реализация данного правила может быть просто не реализована. В качестве гипотетического примера автор приводит следующий: обязанностью наследника по наследственному договору выступило исполнение завещательного отказа в виде предоставления комнаты в полученной после смерти наследодателя в собственность квартире в пожизненное пользование родственнику наследодателя. В подобной ситуации пропорционально уменьшить данное обязательство после появления права на обязательную долю в наследстве не представляется возможным. Кроме того, она также задается верными вопросами, как уменьшить установленные наследственным договором неимущественные обязанности, и кто будет определять пропорции уменьшения.

Эти и иные не проанализированные в рамках настоящего исследования недостатки и пробелы в регулировании отношений, связанных с наследственным договором, свидетельствуют о непроду-

манном отношении законодателя к реформированию наследственного права. По сути, наследственному договору в ГК РФ посвящена всего одна статья, в то время как, например, в Германии, аналогичный институт урегулирован в тридцати статьях (§ 1941, 2274–2302 ГГУ¹). Учитывая сложность и особенности наследственного договора, очевидна недостаточность соответствующего правового регулирования. Кроме того, вызывает непонимание расположение данной статьи в структуре ГК РФ. Напомним, что соответствующая норма находится в главе 62 «Наследование по завещанию», однако к наследованию по завещанию наследственный договор не имеет никакого отношения.

Считаем, что ГК РФ в части наследственного законодательства требует весьма существенной структурной переработки и дополнительного урегулирования многих вопросов, которые либо вообще не нашли отражения в положениях ГК РФ, либо изложены в неоднозначных формулировках, что породит проблемы их правоприменения.

Подводя итог рассмотрению новелл российского законодательства, можно сделать вывод о складывающейся в наследственном праве собственной системе сделок, направленных на распоряжение имуществом на случай смерти. В настоящее время в эту систему включаются классическое завещание, совместное завещание как разновидность завещания, наследственный договор, а также завещательные распоряжения правами на денежные средства в банках. При этом основываясь на классической цивилистической трактовке понятие «сделка» в наследственном праве следует рассматривать с учетом специфики юридической цели ее заключения и исполнения преимущественно после смерти стороны сделки – наследодателя.

Список литературы

1. Барщевский М. Ю. Если открылось наследство. – М. : Юридическая литература, 1989.
2. Блинков О. Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. – 2015. – № 3. – С. 3–7.
3. Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? // Lex russica. – 2016. – № 11. – С. 135–142.
4. Гришаев С. П. Постатейный комментарий к разделу V «Наследственное право» части III ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс», 2016.
5. Долинская В. В. Наследственное право Российской Федерации. – М. : Приор, 2002.

¹ Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18 августа 1896 г. (ред. от 2 января 2002 г.) (с изм. и доп. от 31 марта 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Кирилловых А. А.* Завещательное распоряжение в современном гражданском праве. – М. : Деловой двор, 2011.
7. *Крысанова-Курсанова И. Г.* Завещание как основание наследования в современном гражданском законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
8. *Маковский А. Л.* Как лучше гарантировать наследование. Нормы наследственного права в проекте части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 1997. – № 3–4.
9. *Мартасов Д. В.* Совместное завещание супругов: анализ новелл законодательства // Нотариус. – 2018. – № 8. – С. 28–30.
10. *Михайлова И. А.* Наследственный договор: достоинства и недостатки // Наследственное право. – 2018. – № 4. – С. 33–39.
11. *Михайлова И. А.* Условные завещания: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 37–45.
12. *Новиков А. А.* К истории завещания под условием в отечественном гражданском праве // Цивилистические исследования. Вып. 1 : сборник научных трудов памяти профессора И. В. Федорова / под ред. Б. Л. Хаксельберга, Д. О. Тузова. – М. : Статут, 2004.
13. *Омарова У. А.* Наследственное право и социальная справедливость. – Махачкала, 1999.
14. *Путинцева Е. П.* Содержание завещаний по законодательству РФ и ФРГ // Нотариальный вестник. – 2008. – № 5.
15. *Рождественский С. Н.* Завещание как сделка по гражданскому законодательству // Бюллетень нотариальной практики. – 2003. – № 5.
16. *Рябцева Г. К.* Условные завещания в современном российском наследственном праве // Наследственное право. – 2012. – № 2. – С. 17–20.
17. *Сараев А. Г.* Модель института завещания под условием в РФ (de lege ferenda) // Нотариус. – 2015. – № 8. – С. 22–27.
18. *Сараев А. Г.* О правовой природе завещания // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 24–28.
19. *Серебровский В. И.* Очерки советского наследственного права // Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М., 2003.
20. Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2016.
21. *Черепанова О. С.* Наследственный договор как новелла российского гражданского права (критический анализ некоторых положений) // Нотариус. – 2019. – № 2. – С. 41–44.
22. *Эрделевский А. М.* О новых институтах наследственного права // СПС «КонсультантПлюс», 2018.